

Татарникова Анна Ивановна

**БЕРЕЗОВ И СУРГУТ КАК АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ СЕВЕРА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В.: МЕДИКО-САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ**

В статье характеризуется медико-санитарное состояние двух северных городов Тобольской губернии - Березова и Сургута, - являвшихся во второй половине XIX - начале XX в. административными центрами одноименных округов/уездов губернии. Рассматриваются состояние улиц, дворов и жилищ горожан, их питание, средняя продолжительность жизни, болезни, уровень медицинского обслуживания. Делается вывод об относительно благоприятных по сравнению с южными городами Тобольской губернии санитарных условиях Березова и Сургута и крайне низком уровне медицинского обслуживания их жителей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/46.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 177-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(571.122-25)614

Исторические науки и археология

В статье характеризуется медико-санитарное состояние двух северных городов Тобольской губернии – Березова и Сургута, – являвшихся во второй половине XIX – начале XX в. административными центрами одноименных округов/уездов губернии. Рассматриваются состояние улиц, дворов и жилищ горожан, их питание, средняя продолжительность жизни, болезни, уровень медицинского обслуживания. Делается вывод об относительно благоприятных по сравнению с южными городами Тобольской губернии санитарных условиях Березова и Сургута и крайне низком уровне медицинского обслуживания их жителей.

Ключевые слова и фразы: Березов; Сургут; административные центры; север Тобольской губернии; медико-санитарное состояние.

Татарникова Анна Ивановна, к.и.н.

*Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
tatob777@yandex.ru*

**БЕРЕЗОВ И СУРГУТ КАК АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ
СЕВЕРА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.:
МЕДИКО-САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ**

Работа поддержана программой УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 15-13-4-1.

Целью настоящей публикации является характеристика медико-санитарного состояния Березова и Сургута как городов, являвшихся в конце XIX – начале XX в. административными центрами северных округов/уездов Тобольской губернии.

Медико-санитарное состояние названных населенных пунктов еще не становилось предметом специального исследования, несмотря на имевшуюся специфику, отличавшую Березов и Сургут от аналогичных характеристик городов южной части губернии. Изучение медико-санитарного состояния северных городов позволит выявить особенности образа жизни местных жителей, их санитарно-гигиенической культуры, проследить влияние природно-географического фактора и уровня развития социальной инфраструктуры на жизне-сохранительное (в т.ч. санитарно-гигиеническое) поведение населения, определить роль органов местного самоуправления в обеспечении медико-санитарного благополучия горожан.

В конце XIX – начале XX в. Тобольская губерния включала в себя десять административно-территориальных единиц (округов/уездов), центрами которых были поселения, имевшие статус города. Занимая значительную территорию, площадь которой составляла 1 217 411,2 кв. версты (60% всей территории Западной Сибири), губерния содержала в себе разные по протяженности и климатическим особенностям природные зоны. Курганский, Ялуторовский, Ишимский и Тюкалинский округа/уезды находились преимущественно в лесостепной зоне, Тюменский, Тарский, Туринский и Тобольский – в лесной (таежной), Березовский и Сургутский – в лесотундре. Зональные различия оказывали ощутимое влияние не только на климат, формы расселения, но и на занятия жителей, их образ жизни, здоровье, санитарное состояние мест проживания.

Относительно густонаселенными были округа/уезды лесостепной и отчасти лесной зон. Что касается Березовского и Сургутского округов/уездов, занимавших в основном лесотундру, то плотность населения в них практически не менялась, и к 1914 г. здесь проживало лишь 0,02% всего населения Западносибирского региона [1, с. 139]. Административными центрами северных округов/уездов были города Березов и Сургут, которые, в силу своей территориальной удаленности от главных транспортных артерий, крупных промышленно-торговых пунктов, имеющих развитую социальную инфраструктуру, разительно отличались от городов южной земледельческой части Тобольской губернии. По численности населения, количеству жилых строений, размерам городского бюджета, своему экономическому и культурному значению для близлежащих населенных пунктов, уровню развития инфраструктуры Березов и Сургут были скорее сельскими, нежели городскими поселениями. Статус города обоим населенным пунктам был присвоен правительством, исходившим преимущественно из соображений административной необходимости. Территория, на которой находились названные города, отличалась своей малонаселенностью, что создавало определенные трудности в управлении ею и требовало наличия центральных селений (городов), в которых бы сосредоточивались правительственные и местные административные учреждения (органы самоуправления, полиция, пожарная команда и проч.).

В отличие от административных центров южной части Тобольской губернии, Березов и Сургут характеризовались небольшой численностью населения и сравнительно слабым развитием социальной инфраструктуры. Так, к 1904 г. в Березове проживало всего 1167 человек, в Сургуте – 1222 [5, с. II, IV]. Из элементов инфраструктуры в каждом городе имелись: две православные церкви, 13 торговых лавок, государственная сберегательная касса и «иностранная» больница с аптекой при ней. В Березове также действовали городское мужское трехклассное училище, женское приходское училище, церковно-приходская школа, библиотека, «иностранная» хлебозапасный магазин [Там же, с. II]. В Сургуте работали приходское мужское училище, женская церковно-приходская школа, казенная винная лавка [Там же, с. IV].

Малая численность населения, отсутствие промышленных заведений (фабрик, заводов) благоприятно влияли на санитарное состояние городских улиц. Так, по сведениям сургутского окружного врача В. Е. Клячкина,

в 1890-е гг. ширина улиц в городе была больше, чем высота стоящих по обеим их сторонам домов, в 2-3 раза. Врач отмечал: «...грязи почти никогда не бывает, т.к. вода по скатам быстро удаляется в Бардаковку и Сайму (*местные реки* – А. Т.). Летом все улицы покрыты зеленой травой: в это время года езды по городу на лошадях почти не бывает, а прибывающие в город на лодках, пешком отправляются на свои квартиры. Части улиц, ближайшие к домам, часто подметаются... Зимой все улицы покрыты снегом, а для пешеходов остаются такие узенькие дорожки, что можно проходить только одному человеку». Единственным источником загрязнения сургутских улиц Клячкин называет разгуливающих повсеместно овец и коров [10, с. 15].

Санитарное состояние Березова также считалось относительно благоприятным, однако город уступал в чистоте улиц Сургуту. Основной проблемой березовского городского управления было наличие на протяжении всего лета воды на площадях, улицах и во дворах, которая застаивалась и издавала гнилостный запах. Причиной застоя воды являлось отсутствие сточных канав на некоторых улицах или полное их загрязнение вследствие редкой чистки.

Оба города располагались на высоких берегах рек, которые были «не очень загрязнены» [7, д. 554, ч. II, л. 15 об.]. Этим Березов и Сургут выгодно отличались от Тобольска, Тюмени, Ялуторовска, Ишима и других городов губернии, где проблема загрязнения местных рек стояла достаточно остро. Однако в Сургуте относительно чистыми можно было назвать только берега р. Обь, находившейся от города на значительном расстоянии. Что касается мелких речушек – Бардаковки и Саймы, – протекающих через город, то они были местом постоянной свалки нечистот. Тем не менее, зимой на Бардаковке жители делали две проруби: одну для стирки белья, другую – для набора питьевой воды. Начиная с апреля, многие горожане переставали употреблять воду, признавая ее вредной. Они запасались на весну большими кусками льда, которые промывали, оттаивали и употребляли «исключительно для пищи и питья» [10, с. 21].

Неудовлетворительным санитарным состоянием отличались дворы жителей рассматриваемых городов. Сургутский врач Клячкин отмечал переполненность выгребных ям и их редкую чистку, отсутствие отхожих мест в общественных зданиях. В некоторых, более богатых домах имелись специально устроенные туалеты, но теплого, кроме больницы, нигде не было. В огромном большинстве сургутских дворов туалетов вовсе не было. «Жители пользуются задними частями двора, и эти места почти никогда не чистятся» [Там же, с. 17]. Аналогичной была ситуация во всех городах губернии.

В Березове, из-за отсутствия городской скотобойни, скот убивался прямо во дворах, что было грубейшим нарушением существующих санитарных норм. В Сургуте существовавшее в 1890-е гг. кладбище было переполненным настолько, что при копании свежей могилы было «трудно найти свободное место» [Там же, с. 21].

Городские власти Березова и Сургута неоднократно издавали постановления для жителей о необходимости соблюдения санитарных требований. Так, в июле 1879 г. Березовская городская дума предписывала местным жителям вычищать дворы от всех нечистот и постоянно «содержать их в опрятности, наблюдая то же самое и в отношении ретиранных мест и помойных ям, которые после очистки должны быть пересыпаны золой». Горожанам запрещалось выбрасывать сор из дворов в уличные канавы, своевременно их вычищая. Домовладельцам вменялось в обязанность «иметь против своих домов тротуары или мостки из теса, укрепленные на гвозди. Не допускать, чтобы скот шатался по городу» [8, д. 1223, л. 35]. Аналогичные предписания обнародовала и Сургутская городская дума. Однако контроль над соблюдением постановлений городских властей был крайне слабым, специально созданных для этого санитарных комиссий в северных городах губернии не существовало, все обязанности за соблюдением санитарных предписаний возлагались на местных полицейских, штат которых в обоих городах составлял всего 2-3 человека.

В антисанитарном состоянии находилось большинство жилых домов Березова и Сургута. Отсутствовала специально устроенная вентиляция. Лишь в немногих жилых помещениях вентиляторами служили небольшие круглые отверстия в стенах и форточки в оконных рамах, но последние открывались редко. Для искусственного освещения городские жители употребляли салные свечи, керосин плохого качества и лучину. Перечисленные материалы при освещении помещений выделяли большое количество углекислоты и копоти.

Дома большинства горожан, имевших мизерный ежемесячный доход, состояли из 1-2-х комнат, в которых проживали до 8-10-ти человек. Жилища содержались грязно, полы мылись крайне редко. Спали на полу, лавках, прикрываясь старым грязным тряпьем.

Суровые климатические условия требовали хорошего питания. Его основу составляла рыба, оленина, дичь, хлеб, дикоросы. Благодаря лавочной торговле, состоятельные горожане могли купить деликатесы из Европейской России и южной части Сибири. В лавках продавались конфеты, сахар, мука, мед, вина, ликеры и проч. Однако позволить себе частые покупки перечисленных товаров мог не каждый. Редкими гостями на столах жителей Березова и Сургута были овощи – картофель, репа, морковь, свекла, редька. В целом питание рядовых горожан было достаточно скудным и однообразным, включающим преимущественно рыбные блюда.

Вышеперечисленные факторы напрямую влияли на состояние здоровья и продолжительность жизни городского населения. Так, по данным В. Е. Клячкина, в Сургуте средняя продолжительность жизни для мужчин к 1893 г. составляла всего 19,1 г., для женщин – 21,9 г. [10, с. 70]. Аналогичные общесибирские показатели, по подсчетам историко-демографа В. А. Зверева, варьировались в пределах 33-35 лет [3, с. 39]. По Тобольской губернии средняя продолжительность жизни среди русского населения, согласно полученным Б. Н. Мироновым данным за 1897 г., достигала 28,7 лет [4, с. 14]. Характеризуемые показатели малой продолжительности жизни населения севера Тобольской губернии были обусловлены суровым климатом, неблагоприятно влиявшим на здоровье населения, а также практически полным отсутствием медицинской помощи, что было одной из причин высокой смертности, особенно среди младенцев и детей.

К концу XIX в. на северные уезды Тобольской губернии приходилось всего три «инородческих» больницы: Сургутская, Березовская и Обдорская. Причем если первые две больницы открылись соответственно в 1834 и 1835 гг., то последняя – в 1893 г. Открывшиеся в 1830-е гг. больницы в Сургуте и Березове были рассчитаны соответственно на 12 и 30 кроватей. К концу 1890-х гг. в сургутской больнице количество кроватей для больных составляло 16, в березовской – 40 [9, д. 58, л. 75 об., 262]. Образованная в 1893 г. больница в Обдорске, являвшаяся отделением Березовской «инородческой» больницы, вмещала 10 коек.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в трех вышеперечисленных больницах имелось 66 коек. Если учесть, что в начале XX в. (в 1904 г.) на территории рассматриваемых уездов, включая города, проживало 26 946 человек, то на одну больничную койку приходилось 408,3 жителей [5, с. 59, 154]. Насущной проблемой для жителей северных уездов был острый дефицит медицинских кадров. Так, на протяжении длительного времени Сургутской больницей заведовал лекарский помощник, врач имелся только в Березовской больнице [6, с. 115]. Ситуация с обеспеченностью медицинскими кадрами улучшилась к 1910 г., когда в сургутской больнице появились два врача, фельдшер и акушерка. Если в Тобольской губернии в среднем на каждого врача приходилось 3 119,3 чел., в Сургуте – 691,1. Одно койко-место было рассчитано на 86,4 горожанина. На лечение одного больного в сутки расходовалось 90,5 коп. [2, с. 273].

Существовавшие медицинские учреждения принимали больных вне зависимости от их социального положения, но больше всего среди них было «инородцев» и нижних воинских чинов [9, д. 58, л. 79 об.]. В целом положение врачебного дела в Березове и Сургуте и одноименных округах/уездах было тяжелым. Путешествовавший в 1902-1903 гг. член совета министра внутренних дел Томич был неприятно поражен состоянием Березовской больницы: «Полы одинарные, положены прямо на землю (это при Березовском-то климате!), почти сплошь сгнили, так что в палатах большие дыры, ничем не прикрытые. Воздух даже летом испорченный. Ретирады – просто зловонная яма... Бесплатно принимаются только инородцы, все же остальные должны платить по 29 коп. в сутки за содержание и лечение. Также очень плохо помещение инородческой больницы в Обдорске» [7, д. 554, ч. II, л. 16 об.]. В относительно удовлетворительном состоянии находилась только больница в Сургуте.

Жизнь в условиях северного климата, скудное и однообразное питание, состояние жилищ горожан, их санитарно-гигиеническое поведение оказывали влияние на здоровье и характер болезней. Большое распространение среди жителей севера получили ревматизм, цинга (скорбут), горячки различного происхождения, а также глистные заболевания, возникавшие как следствие сыроедения, к которому русское население приобщилось вслед за коренными народами края.

Во время эпидемий холеры, чумы, свирепствовавших во второй половине XIX – начале XX в., на долю Березовского и Сургутского округов/уездов пришелся достаточно низкий процент заболевших в сравнении с южными административно-территориальными единицами губернии. Этому способствовали такие факторы как редкоочаговое размещение населения севера, отсутствие массового потока переселенцев в этот «богоспасаемый» край, плохое развитие транспортной сети, низкие температуры. Тем не менее, как и в других городах региона, местные жители страдали от различных венерических заболеваний (особенно сифилиса), оспы, трахомы, брюшного тифа, дизентерии и других болезней.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что, несмотря на все перечисленные проблемы санитарного состояния Березова и Сургута как административных центров северной части Тобольской губернии, положение названных городов в санитарном отношении было лучше, нежели городов южной земледельческой полосы. Последние были в гораздо большей степени затронуты начавшимися модернизационными процессами, что нашло отражение в увеличении численности их населения, развитии социальной инфраструктуры, в т.ч. медицинских учреждений. В то же время рост численности населения Ишима, Кургана, Ялуторовска и других городов юга губернии пагубно сказывался на их медико-санитарном состоянии. Местные власти при скудных городских бюджетах с трудом решали вопросы городского благоустройства и наведения санитарного порядка. Наплыв ссыльных и переселенцев отягощал эпидемическую обстановку в названных городах. Что касается уровня медицинского обслуживания населения Березовского и Сургутского округов, то приходится констатировать, что он оставался крайне низким. Специальные городские больницы отсутствовали, и городское население было вынуждено получать медицинскую помощь в «инородческих» больницах, причем лечение для горожан было преимущественно платным. Модернизация в рассматриваемый период практически не затронула северные территории, поэтому городское население в своем образе жизни, жизнеохранительном поведении, поддержании личной гигиены и гигиены жилища и дворов было более консервативно, нежели население южных городов губернии.

Список источников

1. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1914 гг.). Новосибирск: Наука (Сиб. отд-е), 1976. 344 с.
2. Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.
3. Зверев В. А. Половозрастной состав населения. Конец XIX – начало XX вв. // Население Западной Сибири в XX веке: монография / отв. ред.: Н. Я. Гушин, В. А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 38-40.
4. Миронов Б. Н. Кому на Руси хорошо жилось? // Родина. 2003. № 7. С. 12-17.
5. Обзор Тобольской губернии за 1904 год: приложение ко всеподданейшему отчету. Тобольск: Губерн. тип., 1905. 34 с.
6. Павлов А. А. 300 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Издание И. И. Игнатова, 1878. 164 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3.

8. РГИА. Ф. 1287. Оп. 40.

9. РГИА. Ф. 1297. Оп. 239.

10. Санитарный очерк города Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным) / сост. В. Е. Клячкин. Томск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1893. 71 с.

**BERYOZOV AND SURGUT AS ADMINISTRATIVE CENTERS OF THE NORTH
OF TOBOLSK PROVINCE OF THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY:
MEDICAL AND SANITARY CONDITION**

Tatarnikova Anna Ivanovna, Ph. D. in History

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

tatob777@yandex.ru

The article describes a medical and sanitary condition of two northern towns of Tobolsk province – Beryozov and Surgut, – which were administrative centers of the provincial districts/uyezds of the same name in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The author examines sanitary conditions of the streets, yards and dwellings, the citizens' ration, their average life, diseases, the level of medical care. The paper concludes on relatively favourable sanitary conditions of Beryozov and Surgut in comparison with the southern towns of Tobolsk province and on the extremely low level of the citizens' medical care.

Key words and phrases: Beryozov; Surgut; administrative centers; north of Tobolsk province; medical and sanitary condition.

УДК 7.071.1

Искусствоведение

В статье рассматривается феномен взаимодействия исполнителя-композитора Алексея Наседкина с музыкальным текстом композитора-пианиста Сергея Прокофьева. Названный ракурс ранее не был в центре исследовательского внимания. Посредством анализа исполнительского стиля пианиста автор изучает композиционно-драматургическое решение Десяти пьес из балета «Золушка» op. 97 и Сонаты для флейты и фортепиано D dur, op. 94, bis С. Прокофьева. Показана тонкая взаимосвязь двух музыкальных миров и формирование акта сотворчества.

Ключевые слова и фразы: Алексей Наседкин; Сергей Прокофьев; исполнительство; артикуляция; агогика; динамическая драматургия.

Тверитина Елена Владимировна

Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки

fort-le@mail.ru

**ФЕНОМЕН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЯ А. НАСЕДКИНА
С КОМПОЗИТОРСКИМ ТЕКСТОМ С. ПРОКОФЬЕВА**

Об исполнении фортепианных и камерных сочинений Сергея Прокофьева написан значительный пласт исследований, статей и воспоминаний современников. Так, в работах В. Дельсона, Е. Долинской, Л. Гаккеля и других музыковедов достаточно подробно освещена характеристика пианизма Прокофьева во взаимосвязи с композиторским почерком. По словам Нейгауза, «главное, что так покоряло в исполнении Прокофьева – это... наглядность композиторского мышления, воплощённая в исполнительском процессе. Как хорошо всё согласовано, как всё на своём месте, как непосредственно “форма-процесс” доходила до слушателя!» [8, с. 203]. В этом смысле особый интерес представляет изучение исполнения музыки композитора-пианиста пианистом-композитором, которое до сих пор не было в центре научного осмысления.

В отечественной и зарубежной истории исполнительского искусства широко известны примеры органичного сплава композиторского и исполнительского самовыражения. Притягательная сила «титанов» исполнительского искусства – Листа, Рахманинова, Рубинштейна, Скрябина, Шопена во многом обусловлена тем, что они были талантливыми композиторами. В этом контексте творческий тандем Прокофьев – Наседкин, на наш взгляд, является показательным для изучения взаимодействия исполнителя с музыкальным текстом композитора-исполнителя, которое станет главной задачей настоящей статьи.

Стилевая широта репертуара А. Наседкина была поистине безграничной. При этом подкупала невероятная убедительность исполнительского «прочтения» им композиторских текстов разных временных отрезков и стилистических направлений. Признанному «шубертианцу» одинаково интересны сочинения Бетховена, Брамса, Прокофьева, Рахманинова, Скрябина, Шостаковича и других композиторов. Вероятно, это продиктовано композиторским талантом пианиста. «Пианист-композитор – по утверждению Алексея Аркадьевича, – совершенно по-другому смотрит на музыкальный материал, он лучше осведомлён о строении произведения и сразу в нём ориентируется» [12, с. 4]. Музыкант признавался, что сам часто оценивает композиторские находки, удачные фрагменты сочинений, которые исполняет. Он был глубоко убеждён, что исполнитель-композитор лучше постигает особенности формы, фактуры и гармонии.